

ВОКРУГ „ОБРЫВА“

Сообщение Л. Утевского

1869 год был связан в жизни Гончарова с событием исключительной важности. С января этого года, под красной обложкой «Вестника Европы» начал печататься «Обрыв» — роман, с которым были связаны двадцать лет его жизни, который в представлении его был «долгом, завещанным от бога!».

Задумав его двадцатью годами ранее, во время посещения родного Симбирска (1849 г.), когда «старые воспоминания ранней молодости, новые встречи, картина берегов Волги, сцены и нравы провинциальной жизни»¹ расшевелили в нем фантазию, он приступил к писанию романа лишь через десять лет, в 1859 г., после окончания «Обломова». До этих пор, в первое десятилетие после возникновения замысла, он обрабатывал роман в голове, по всегдашней своей манере, набрасывая на листках, клочках бумаги планы, замыслы, наброски сцен, картин, событий и по обыкновению своему рассказывая об этих замыслах и планах «встречному и поперечному».

Лишь после десятилетнего обдумывания он приступает к писанию романа (1859 г.), притом нерешительно и с колебаниями: «герой труден и необдуман и притом надо начинать. Если напишу начало, то когда будет конец?»². Параллельно с писанием продолжается интенсивная внутренняя работа. В следующем году роман развернулся перед ним «часа на два готовый и я увидел там много такого, чего мне и не грезилось никогда...»³.

В последующие годы, в летние месяцы, за границей, он то пишет до изнеможения, то впадает в отчаяние. Задача кажется непосильной. Перо вываливается из рук. В мучительных сомнениях ему кажется, что он «пережил годы писания, как пережил годы страстей и завял»⁴. То представляется (в 1865 г.), что остается «перейти только речку, чтобы быть на другой стороне»⁵, то речка эта оказывается морем. Роман, кажется ему, останется не законченным. В 1867 г. в письмах начинают звучать трагические ноты: «вопрос о труде решается отрицательно навсегда. Бросаю перо...»⁶.

Но он его не бросил. Весной 1868 г. наметился решительный перелом. Под влиянием умелых настояний М. М. Стасюлевича, Гончаров решает летом кончить роман, конец которого встал перед ним теперь ясно и отчетливо. «Во мне, теперь кипит будто в бутылке шампанского, — писал он весной этого года, уехав для окончания романа за границу, — все развивается, яснее во мне, все легче, дальше, и я почти не выдерживаю, один, рыдаю, как ребенок, и измученной рукой спешу отмечать кое-как, в беспорядке»⁷.

Начинается запойная работа («Я будто проснулся и опять заговорила во мне прежняя производительная сила, которая, казалось, оставила меня совсем»⁸). Целыми днями писал он («точно меня что-то несло»⁹), с утра до вечера, исписывая по печатному листу в день, до боли в пальцах. Но дни напряженного труда и теперь сменялись днями бездействия и тревожных сомнений. Приливы бодрости и энергии — приступами глубокого отчаяния. Причины его были для Гончарова исключительно характерны. Летом 1868 г. его природная мнительность принимает патологические формы. Именно в разгар работы над «Обрывом» он оказывается во власти жестокой мании преследования, схватившей его в свои тиски.

Душевная болезнь Гончарова, четко обнаружившаяся летом 1868 г. и с этих пор неуклонно разраставшаяся, имела отправной точкой роковое обстоятельство, случившееся тринадцатью годами ранее. Зимой 1855 г., в самый разгар обдумывания «Обрыва», во время одной из дружеских бесед с Тургеневым, он не только открыл ему «весь план будущего своего романа, но и пересказал все подробности, все готовые на клочках программы сцен, детали, решительно все, все»¹⁰. Чтение это, повидимому, произвело столь сильное впечатление на Тургенева, что в написанном им через три года романе «Дворянское гнездо» действительно имелись некоторые сходные положения, навеянные рассказанной ему программой Гончарова. Частично они были устранены Тургеневым после последовавших между ними объяснений, однако эти обстоятельства послужили началом драматической истории, искажившей всю вторую половину жизни Гончарова. Большое воображение его отныне готово было видеть во всех появлявшихся в последующие годы романах Тургенева лишь заимствования все из того же «Обрыва» (после выхода в свет «Накануне» Тургенева, как известно, между ними состоялся третейский суд). Летом 1868 г., в месяцы наиболее интенсивной работы над «Обрывом», которому он придавал исключительное значение («этот роман — была моя жизнь: я вложил в него часть самого себя, близких мне лиц, родину, Волгу, родные места, всю, можно сказать, свою и близкую мне жизнь»¹¹), «чуть затаившийся пожар» разгорается небывало ярким пламенем. Письма этого лета переполнены жалобами на преследования могущественных врагов, по проискам Тургенева поставивших себе целью помешать ему писать. «Около меня раскинуты какие-то тенета, в которые меня ловят, как зайца, и травят собаками. И заправят — вы увидите»¹². В такие дни, когда наверх всплывали «мутные подонки», он бросал перо: «минуты моего отчаяния невыразимы, — писал он в один из таких дней, — и я впал теперь в инерцию, сижу, хожу, как мертвый...»¹³. В сентябрьской книжке «Вестник Европы» должен был начаться печатанием перевод (с рукописи) нового романа Бергольда Ауэрбаха «Дача на Рейне». Роман этот вызывал в нем особенное беспокойство по двум причинам: он не только рекомендован был Стасюлевичу Тургеневым, но и должен был там появиться с предисловием последнего. Гончаров не знает, писать ли дальше. «Кто меня уверит и чем успокоит, что эти тетради [рукописи «Обрыва»], читанные мной до вас некоторым лицам, не переданы, хоть в содержании, кому-нибудь, например, Тургеневу или Ауэрбаху, новый роман которого, как вы сказывали, будет печататься у вас в переводе, прежде моего, да еще с предисловием Тургенева... Уверены ли вы, что моим тетрадям будет оказана пощада... и что чужая рука не выудила кое-чего и чужой язык не слизал сливок?»¹⁴. Тургенев и Ауэрбах «для какой-то шутки предупредят меня, прежде нежели я начепаю свое. Так что в сентябре, у вас же, в «Вестнике Европы», может появиться то самое (конечно, содержание, а не редакция), что явится после в моем романе: да еще и явится ли, когда уже другой предупредит меня. Вот в этом — кто успокоит и уверит меня: вы ведь романа Ауэрбаха не читали... И вот это сомнение нередко выдергивает у меня перо из рук»¹⁵.

В таком состоянии он все же летом и осенью 1868 г. закончил роман. После долгих колебаний и неоднократных намерений автора вовсе отказаться от печатания, «Обрыв» все же был напечатан в первых пяти книжках «Вестника Европы» 1869 г.

Читательский успех его был несомненен, но критикой роман был принят единодушно отрицательно. Радикальная критика не могла простить автору образа Марка Волохова, и в целом ряде статей¹⁶ в униссон выносила роману и его автору резкий приговор. Болезненно реагировавший на них Гончаров тщетно пытался успокоить себя, именуя их «воплями нигилистов». Даже и на страницах консервативной «Зари» ему пришлось прочесть, что образ Марка Волохова «только незрелый плод досугов г. Гончарова, белая бумага, испачканная сначала чернилами автора, а потом типографскими...»¹⁷.

Больше чем когда-либо, теперь, по выходе «Обрыва», упавший духом и си-

Сила достоинства, тис
отте этой личности
оставили в. М. Крамко
портретом И. Гончаров 1/12 1916

И. А. ГОНЧАРОВ

Карандашный эскиз И. Крамко
Частное собрание, Москва

лами Гончаров продолжает быть под гнетом мыслей о кознях могущественных и жестоких врагов, подвергающих его «инквизиционным пыткам». «Я отступаюсь и от своих сочинений и от прав своих, думая, что—может быть их присудили передать другим! От этого даже не хожу справляться, продаются ли мои книги, не знаю, могу ли я ими располагать. Мрак, мрак!»¹⁸. В «Необыкновенной истории», написанной в декабре 1875—январе 1876 г., он так рассказывает о своем состоянии после выхода «Обрыва»: «Решась уже ничего больше не писать, измученный, преследуемый каким-то всеобщим за мной шпионством и всей этой борьбой, подозрениями, волнениями, сложил руки в рукава и объявил, что не буду больше писать и стал читать от скуки все, что попадалось под руки, между прочим и «Дачу на Рейне»... Ум его работал, однако, в определенном направлении «Меня поразила эта шутка. Это—не что иное, как перенесенный на немецкую почву и переложенный на немецкие нравы «Обрыв»!! Все идет параллельно, со многими конечно вставками и дополнениями, но вся *mise en scène*, многие характеры, расположение сцен, самые сцены, темы разговоров—все, все очевидно писано по копиям с моих тетрадей!.. Мне стало ясно, что против меня действует, точно в заговоре, какое-то общество... за что? Кто? Мне стало больно и страшно жить! Я задумался не на шутку: стали у меня делаться нервные припадки, почти обмороки! Я видел уже не одного Тургенева, а целую кучу невидимых врагов, на каждом шагу оскорбляющих меня разными неприятностями, глупыми шутками, смехом—словом, я был в какой-то осаде, страшной нравственной тюрьме».

Теперь он приходит к психопатической идее о том, что роман его, в результате махинаций Тургенева, послужил материалом для нескольких иностранных романов. Тургенев «раздавал щедро мое добро иностранцам, как свое, и этим удовлетворял своей зависти, мешал мне и рос в их глазах сам»¹⁹. Но еще задолго до «Необыкновенной истории» этому вопросу—сходству «Обрыва» с «Дачей на Рейне»—он посвятил особую записку, до сих пор остававшуюся неизвестной. Драматическая история, сыгравшая в жизни писателя неизмеримую роль и имевшая в создании «Обрыва» исключительное значение, послужила поводом еще для одной рукописи, впервые нами теперь публикуемой²⁰. Рукопись эта никак не озаглавлена:

І том.²¹

Глава II. За новым вином.

Есть некоторые намеки и на первый разговор Марка с Райским, так же, как и в следующей главе Непохожие товарищи.

Манна²²—faux air Веры, а Лина точь-в-точь Марфинька, даже попадаютс я одни и те же выражения в описании, в разговорах, как она поет, как любит есть яблоки и т. п. Ее характер—все.

Русалочные глаза, которые видит Райский [в] во взгляде лукавых [жен] страстных женщин—а тут голова Медузы. У Райского статуя одухотворенной Венеры, а у этого статуя [поб] Победы Рауха (стр. 68 и 71).

Глава XII: (стр. 141, 142) как Райского ведет Марфинька показывать дом, дворню и комнату Веры, так Зонненкамп ведет Эриха; он тоже прежде видит комнату Манны, (а ее самой еще нет дома—она в монастыре, как Вера у попа); тут вслед затем, как в Обрыве и характеристика дворни, стр. 158.

Манна религиозна, любит неверующего (как Вера Марка), борется, мучается тут и священник на сцене, она молится.

1 Мая
1892 г. Записки о жизни
и деятельности г-на А. А. Гончарова
в Петербурге

А. А. Гончаров — человек, о котором
можно сказать много хорошего, но в то же время
много дурного. Он был человеком, который
был способен на многое, но в то же время
и на многое другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

А. А. Гончаров до своей смерти
был человеком, который был способен
на многое, но в то же время и на многое
другое.

Словом — как в расположении хода романа, так и в некоторых деталях очевидно сделаны то близкие, то отдаленные сближения. И так как Дача на Рейне захватывает опромный замысел и громадную толпу лиц, то подсказанные подробности [из друг] из Обрыва конечно исчезают в этой массе. Но при случае, для ловких людей, они конечно будут отысканы — как бы для улики: «вот де из этого романа захвачено много туда» (таких обстоятельств, которые в Обрыве иногда составляют существенные его части, но которые [в Рейне] в Даче на Рейне ничего не значат). Это нужды нет, что оба романа печатались в одно время²⁴. Ведь скажут — «не мог же заимствовать А <уэрбах> у Г <ончарова>, а этот — мол имел возможность. Да и нужно ли такому великому таланту, как А <уэрбах> брать где-нибудь!» Ловко и гнусно!

Дальше Майор намекает на Тига Ниловича — профессорша, мать Эриха, на бабушку.

Лина (стр. 231) — с Марфинькой.

Стр. 233.

Стр. 235.

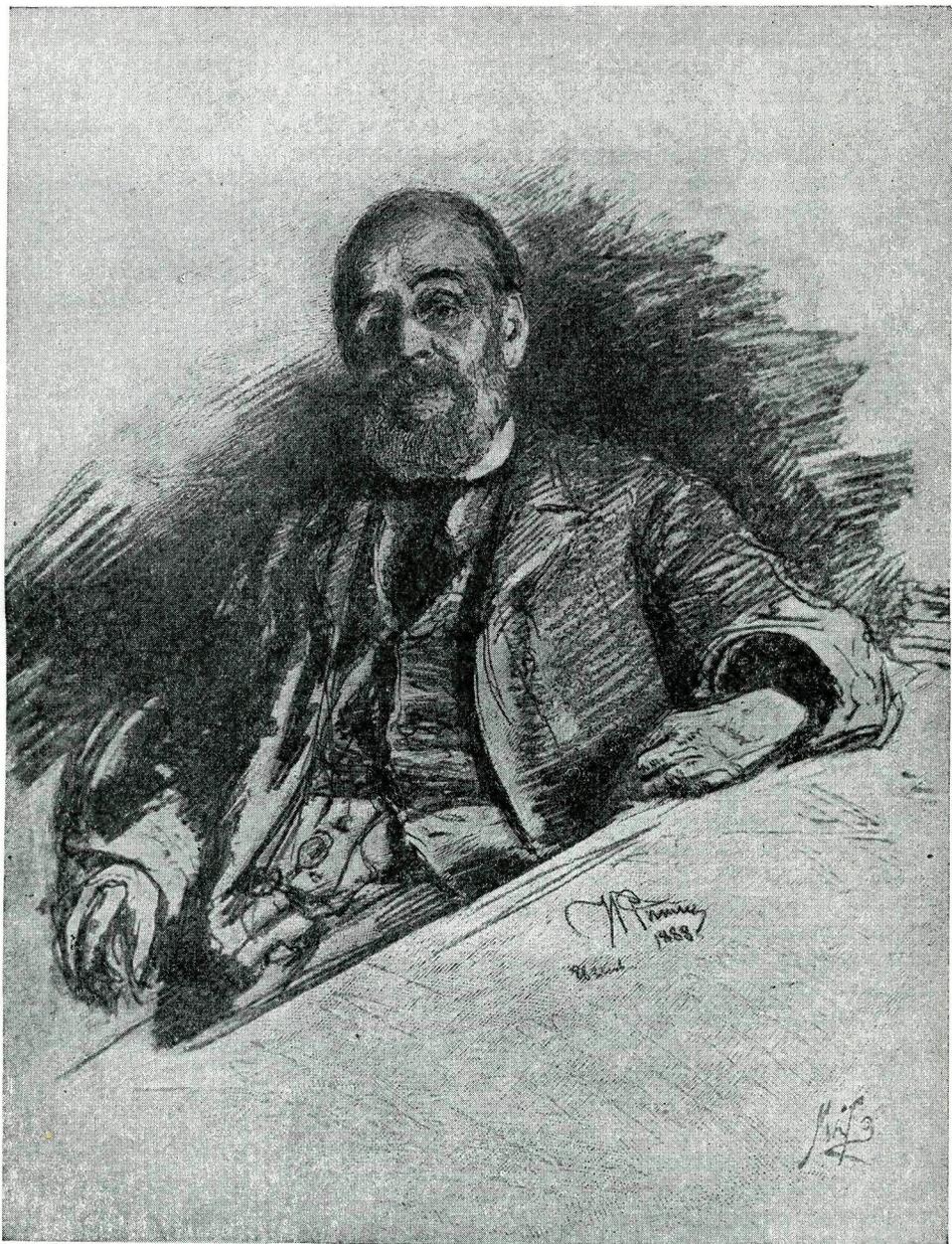
Глава Опять один.

Здесь уже прямо почти теми же словами (стр. 235) начинается эта глава «об утре», как в Обрыве во II-м томе (стр. 11) тоже об утре — только в Даче на Рейне это отнесено к доктору, который тоже хочет писать сочинение о сне (стр. 234) как Райский в I-м томе на стр. 441 — [хочет] хочет описывать скуку и сон жизни.

Все это конечно перетасовано, разбито по разным местам — но все может служить для мнимой улики. Очевидно интрига (не одного лица, а многих) дала А <уэрба>ху и мысль этого огромного романа — года за два перед появлением Обрыва, который весь был прочитан автором дважды гр. Апр[аксину], Феок[тистову], М-те Ж. и некоторым другим в отрывках²⁵. Да кроме того [он] за границей, в отели, тетради валялись свободно — и всякий мог глядеть. Притом он кончен был печатанием прежде длинной Дачи на Рейне и книжки журнала в три дня доходили и в Берлин и в Баден²⁶, следоват<ельно> можно было прямо выхватывать оттуда.

Но задача одна — борьба с страстью [томл] препятствие, религиозный разлад, свадьба наивной не способной к любви Лины, бабушка профессора, учитель Кнопф (Козлов), даже и в разговоре последнего с Эрихом — есть намек на разговор Козлова с Райским — тоже о древности, о греках и римлянах.

(Подземные толки)²⁸
И выходит что [ка] как будто Обрыв дописан по готовому плану — стало быть-дескать — и начало и мысль о нем возникла по Двор[янскому] Гн[езду], а окончание по Ауэрбаху! Какие есть Бисмарки! И ужели между всеми этими господами и господами, которые плели мне эту сеть, не нашлось ни одного честного человека, который бы возмущался этой проделки [из] (т. е. измены русской литературе в пользу немецкого жиды) — и ни одного умного и тонкого критика, который бы обличил, где правда, где ложь, где выросло растение с корнем из родной почвы [и где оно] или где семена [занесены ветром и дали пу-стоцвет!

И. А. ГОНЧАРОВ

Гравюра Матэ с карандашного рисунка И. Репина
Государственный Литературный Музей, Москва

Пранкен — это намек на Райского: хвастун-фразер, волочился сначала за Линой, потом будто влюблен в Манну.

Виноградный домик — и большая дача (маленький и большой дом в Обрыве).

Стр. 359. Наш друг Кнопф (Козлов) 362. (Как Козлов возится с греческими и римскими классиками, так и Кнопф преподает Греч. и Римск. мифологию).

На стр. 368 и 369 — ясный намек на разговор Козлова с Райским: о греках и римлянах — *Civis romanus sum*. Тут и об Аристофане [и о] все, все.

Даже и рисовка портретов (как у Райского) пририсана Белле (стр. 429, 430).

Стр. 432. Опять о волокитстве Пранкена за Линой.

Том II-й

Стр. 57. Стекланный взгляд Медузы — у Беллы (русалочный в Обрыве).

Стр. 162. И у Эриха есть постоянная задача написать книгу, которую он все [пишет] собирается писать (как Райский роман) это история рабства всех народов.

Стр. 286. Некоторые черты Манны и Веры о самостоятельности мысли. Страницы 290, 291, 292, 293, 294 — Лина — совершенная копия Марфиньки, даже мелькают те же выражения. И влияние профессорши умирало ее.

Тут (стр. 297) и патер — (священник и Вера).

Цель этого [конечно] заговора, конечно, та, чтобы доказать, что Двор<янское> Гн<ездо> ни откуда не заимствовано, а вот-мол — и твой Обрыв есть ничто иное, как программа Дачи на Рейне, как Двор<янское> Гн<ездо> есть программа Обрыва. «Это-де была случайность». Так вот же тебе!

От этого один господин так и спешил, чтоб Дачу на Рейне начать поскорее, пока не начался Обрыв²⁷ т. е. в 1868 году, чтоб можно было уличить в заимствовании. А<уэрбах>, взяв тему из Об<рыва>, развивает, тушует ее с немецко-жидовской плодовитостью.

Стр. 315, 316 и 317. Опять до смешного похоже на Марфиньку.

III. Перетасовка лиц, встреча в церкви (стр. 60).

Том III-й

Тут уж начинается собственная история романа — Дворянство Зонненкампа, Америка, негры и т. д., следовательно здесь кончается параллель двух романов — [и даже из-за]. Точкой разъединения служит свадьба Манны.

В Обрыве Вера потому расстается, что Марк—неверующий, а Манна примиряется с этим.

И тут есть похожие, хотя и перетасованные сцены, например в церкви, встреча, стр. 60, 61.

Особенно ясен намек на стр. 62, в разговоре Манны с Эрихом—и стр. 65.

Да и самое свидание стр. 74 и 75, когда эта дурица Манна упала в объятия к Эриху, напоминает сцену в Обрыве. Видно, что кто-то не ленился переводить немцу-жиду уже вышедшие сцены Обрыва, когда еще эта часть Дачи на Рейне писалась. Это можно было смело делать, потому что кто же упрекнет А<уэрбаха> в заимствовании?

Тут дальше и борьба на стр. 76 и 77.

Наконец на стр. 125—Лина с женихом (как Марфинька с Викент<ьевым> возвращаются из-за Волпи и находят пустоту и уныние—ужас...

И это взяли: тоску, беду бабушки, ее болезнь из Обрыва—на стр. 163. Общее несчастье на вилле, запустение—все украли! Довольно!

Рукопись не датирована. Датировка ее, однако, не представляется затруднительной. Она несомненно написана под свежим впечатлением только что прочитанного романа Ауэрбаха—таким образом не ранее конца 1869 г., однако и не многим позже, так как, по рассказу Гончарова, он взялся за чтение романа сравнительно скоро после появления «Обрыва». В январе 1870 г. Гончаров писал М. М. Стасюлевичу: «Не забудьте о романе Ауэрбаха...—и при удобном случае, по обещанию, пришлите²⁸—имея в виду отдельное издание романа. Если сопоставить все это с тем обстоятельством, что в рукописи Гончаров ссылается на страницы именно отдельного издания «Дачи на Рейне», можно с большой долей вероятия высказать предположение, что рукопись написана была в начале 1870 г., т. е. в то время, когда душевная болезнь его достигла высшей точки своего развития, становясь ясной для окружающих. Через шесть лет после этого он приступает к «Необыкновенной истории», рукописи, имеющей исключительное значение для уяснения истории создания «Обрыва» и характеристики его автора, и в ней детальнейшим образом развивает выводы печатаемой нами записки 1870 г.

Л. Утевский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. А. Гончаров, Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»—«Русское Обозрение», 1695 г., кн.1, стр. 7.

² Письмо к И. И. Лъховскому, 20 мая 1859 г.—Л. С. Утевский, Жизнь Гончарова, М., 1931 г., стр. 124.

³ К С. А. Никитенко, 3/15 июня 1860 г., там же, стр. 139.

⁴ К А. В. Никитенко, 17 июня 1862 г., «Русск. Старина», 1914 г., кн. 2, стр. 433.

⁵ К. С. А. Никитенко, 1/13 июля 1865 г.—Утевский, Жизнь Гончарова, стр. 171.

⁶ К А. В. Никитенко, 15/27 июня 1867 г., «Русск. Старина», 1914 г., кн. 4, стр. 49.

⁷ К М. М. Стасюлевичу, 26 мая 1868 г., «М. М. Стасюлевич и его современники», т. IV, стр. 6.

⁸ Ему же, 25 июня 1868 г., там же, стр. 22.

⁹ «Русск. Ведомости», 1892 г., № 339.

¹⁰ И. А. Гончаров, *Необыкновенная История*—«Сборник Российск. Публ. Библиотеки», вып. I, П. 1924, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 21.

¹² М. М. Стасюлевичу, 19 (31) июля 1868 г., «Стасюлевич и его современники», т. IV, стр. 36.

¹³ К. С. А. Никитенко, 19 (31) июля 1868 г., Утевский, *Жизнь Гончарова*, стр. 197.

¹⁴ М. М. Стасюлевичу, 19 июня (1 июля) 1868 г., «Стасюлевич и его современники», т. IV, 26.

¹⁵ Там же, стр. 30.

¹⁶ «Уличная философия» — называлась одна из них («Отечеств. Записки», 1869 г. кн. 6 — автором ее был Салтыков-Шедрин), «Талантливая бесталанность» — другая («Дело», 1869 г. № 8), «Старая правда» — третья («Отечеств. Записки», 1869 г., кн. 10).

¹⁷ «Заря», 1869 г., кн. 11.

¹⁸ Письмо к С. А. Толстой, 11 ноября 1870 г., «Гончаров и Тургенев», под ред. Б. М. Энгельгардта, П. 1923, стр. 93.

¹⁹ «Необыкновенная История» — «Сборн. Публ. Библ.» стр. 61.

²⁰ Рукопись эта находилась у Софии Александровны Никитенко (дочери А. В. Никитенко), близкого и преданного друга Гончарова, пользовавшегося его исключительным доверием, после смерти которой перешла к А. Ф. Кони. В настоящее время находится в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР, в Архиве которого значится, однако, как «план и конспект романа «Обрыв».

²¹ То есть первый том «Дачи на Рейне» Ауэрбаха (так же, как и в дальнейшем главы). Страницы в скобках означают страницы отдельного издания романа. Зачеркнутое Гончаровым заключено нами в прямые скобки.

²² Манна, Лина, Кнопф, Пранкен, Зонненкамп, Эрих — действующие лица «Дачи на Рейне».

²³ Название одной из глав романа.

²⁴ «Дача на Рейне» печаталась в «Вестнике Европы» с сентября 1868 г. по декабрь 1869 г., «Обрыв» — с января по май 1869 г.

²⁵ Апраксин, С. А., гр., полковник генеральн. штаба — заграничный знакомый Гончарова. Феоктистов, Е. М., впоследствии, с 1883 г. — начальник главного управления по делам печати. Чтение «Обрыва» этим лицам, которых впоследствии Гончаров считал агентами Тургенева, происходило летом 1867 г. в Баден-Бадене.

²⁶ В Берлине жил Ауэрбах, в Бадене — Тургенев.

²⁷ Т. е. Тургенев, рекомендовавший «Вестнику Европы» роман Ауэрбаха.

²⁸ М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, стр. 93.